

ВСТРЕЧИ

ДОМ ФЕДОРА АБРАМОВА

Вещи красноречивы. Они рассказывают об их владельце. Деревянная утварь, ковши, теса. Но это не модная коллекция собирателя старинны, а вещи из родного дома, память о детстве. Золотистую хлебницу из бересты мать ставила на стол. Пятеро детей тянулись к скудному хлебу. Когда умер отец, младшему, Федору, было всего два года...

Федор Александрович показывает мне спину жилику на карте — речка Пинега. Среди архангельских лесов точка — село Пекашино. Хотя как-то сам Федор Александрович сказал очень точно — Пекашина нет на карте, оно в сердце...

На стене театральная афиша: силуэт паренька в кирзовых сапогах, несущего срубленную березу. Приглядевшись, можно прочесть на ней: «Две зимы и три лета» — пьеса по роману Федора Абрамова. Художник лаконично передал содержание книги о трудных годах, когда такие вот деревенские подростки таскали на себе не только бревна на лесозаготовках, но и Родину свою держали на плечах. Афиш с автографами актеров и постановщиков, начиная с «Деревянных коней», становится все больше в ленинградской квартире писателя.

— Я не всегда соглашусь с инсценированием своих вещей. Сомнения вызвала у меня и постановка в Ленинградском учебном театре «Братья и сестры»... Смогут ли сегодняшние двадцатилетние, в основном городские мальчишки-девочки, воплотить на сцене пекашинцев военного лихолетья, живших в совершенно другом измерении времени и души? Я вслэшески отговаривал их от постановки. Но студенты оказались упрямыми. Они приехали в Верколе и месяц жили на Пинеге. Они поняли сердцем, всем существом своим родство с этими людьми, с народом. Для меня радостным открытием стал и сам спектакль. И особенно важна та истинная гражданственность, которая объединила весь коллектив.

И вот я на Пинеге.

Почему-то представлялось, что Абрамов должен жить в старинном северном доме. Они еще кое-где сохранились в деревнях.

Дом — двор под одной крышей. В суровые метельные зимы, не выходя из такого дома, можно было делать всю крестьянскую работу. Без единого гвоздя, топором срублены северные строения, неподвластные ржавчине и времени. Архитектура строгая. Только самая главная балка, что держит всю крышу, украшалась головкой коня. Горделивые эти коньки четко прорисовываются в светлом северном небе...

У самого Абрамова дом небольшой, из двух комнат. Из окна видится Пинега, ее противоположный красноватый берег с развалинами старого монастыря. Этот пейзаж не раз описан в романах писателя.

Ничего нарочитого, крестьянского в доме нет. Даже в этом чувствуется соединение двух начал в писателе — крестьянского сына и интеллигента. Нелишне напомнить, что Федор Александрович в недавнем прошлом заведовал кафедрой советской литературы в Ленинградском университете.

Он знает все крестьянские работы, помнит колкость

стерни под босыми ногами, умеет и пахать, и жать. Мудрость профессионального ремесла его всегда интересует, будь то секреты охоты или выпечка хлеба. Как сказал Александр Твардовский: «В романах Абрамова есть география вещи»...

На зеленом домике писателя в Верколе маленькая красная звезда. Такая же, как на многих избах в деревне. Это знак войны. В доме, отмеченном звездой, живут или жили фронтовики, погибшие или здравствующие. Живых в Верколе — 47, погибших — 117...

Любое застолье здесь с песней. Но всегда после озорных частушек непременно поют песни о войне. Есть в Верколе одна особенно любимая: «На Мамаевом кургане тишина»... Далеко Мамаев курган — под Сталинградом. А песня одна, что на Волге, что на Пинеге.

— Прототипов не существует, — говорит Федор Александрович. — Выискивая героев моих произведений в жизни, критики оказывают мне медвежью услугу — только сорят меня с земляками. О конкретном человеке можно написать заметку, в крайнем случае документальную повесть. Роман требует художественного вымысла...

В одном герое сплавлены черты многих и многих людей, прошедших через ум и сердце самого писателя. И все-таки земляки Абрамова узнают себя в его произведениях. Они самые строгие ценители его творчества.

Земляки, например, убеждены, что один из любимых абрамовских героев — Михаил Прыслин живет в Верколе. Надо сказать, что житель этого села, Михаил Абрамов, не отрывается от литературного родства. Сейчас ему уже за пятьдесят... Голова поседела. Пятеро собственных детей выросли. Это известный на селе механикатор. Могучий человек с твердыми мозолистыми руками.

Был реальный прототип и у другой героини Абрамова — пекарихи Пелагеи из повести «Пелагея».

Повесть Абрамов написал на знакомом материале. Веркольцы узнавали детали, реплики, характеры. Узнала об этом и превратно истолковала образ Пелагеи местная пекариха Екаторина Абрамова. Она так до самой смерти и не простила Абрамову, что он «кочерил ее доброе имя».

Федор Александрович вспоминает этот случай с грустью, потому что на самом деле восхищался пекарихой и только отдельные ее черты взял для своей героини. Отсюда и его нежелание рассказывать о прототипах, и ревнивое беспокойство за свои отношения с земляками.

В Верколе его зовут «писатель». Чтобы выделить из многочисленных однофамильцев (полдеревни Абрамовы). Но писатель приезжает сюда не в творческую командировку, а домой. Веркола — объект его многолетнего исследования и раздумий. Земляки, их жизнь, заботы близки и понятны Абрамову.

Для него каждый человек — личность.

— Знакомьтесь, это Шура, — говорит писатель. — В четырнадцать лет стала бойцом. Овладела исконным мужским ремеслом. Ведь без кадушек никуда — и грибы, и ягоды, и огурцы, и капусту хранить. Ревела, а натягивала обручи. Потому что надо было.

Федора Александровича зовут в каждый дом. И не потому, что он известный человек, знаменитость, а просто он свой, веркольский. «Не отлекает в сторону», как ска-

зала о нем землячка Александра Минина.

Запросто заходят и к нему в дом. Женщины с любопытством, придирчиво осматривают мебель, хвалят городские обои...

В деревне все на виду. Избы не запираются — чужих нет. Уходят из дому — прислонят к дверям колышек — значит, хозяйки отсутствуют. А нет — заходи в любую избу — будешь гостем. Сразу усадят за стол — чем богаты, тем и рады. Угостят горячим чаем, традиционной соленой треской. Там, в Верколе, видя писателя среди односельчан, я поняла, как непросто и нелегко отдавать себя на обозрение людям. Знать, что за тобой наблюдают хоть и любовно, но внимательно. Как живешь, не зазнался ли, не забыл ли родню?

Абрамов для земляков — человек государственный, полномочный. К нему они идут с вопросами, с жалобами, за советом. «Ты писатель — ты ответь», — таково их требование.

Он идет к людям в самые глухие уголки Пинежья. По трясским дорогам, а то и пешком вышагивал по двадцать километров в день. (Ходить ему трудно — разрывной пулей перебиты ноги). Собирая материал для своего нового романа об истории гражданской войны, он на плоту прошел всю Пинегу. Сам Абрамов называет это начальной, «подножной» стадией изучения жизни.

— Настоящее исследование действительности начинается, когда в работу включается интеллект. Это чаще всего бывает на дистанции, в кабинете, за письменным столом, — говорит Федор Александрович.

И вот закончен «Дом», последняя книга саги о Прыслиных. Можно ли считать ее прощанием с Пекашиным?

Да. «Дом» — книга итогов. Писалась она трудно. Слшком «горячий», сегодняшний материал жизни требовал осмысления...

20 лет спустя непросто сложились судьбы героев. Выросли дети. Жизнь и в мирное время испытывает на прочность по высокой нравственной шкале силу духа Лизы, Михаила, других членов пры-

слинской семьи и их земляков. Облетели буйные кудри Егорши, состарилась Анфиса Петровна, нет в живых пекашинской чаровницы Варвары Инхиной... Изменилось само Пекашино. Строятся новые дома, рушатся старые. Лишь двухсотлетняя лиственница на угоре, этот пекашинский символ, его Адмиралтейство, не дает спутать деревню ни с каким другим местом на голубой Пинеге.

Провести своих героев через два с лишним десятилетия и не нарушить логику их характеров — нелегкая задача для писателя.

— Самое опасное — это потерять ощущение героя, — рассказывает Федор Александрович.

В Пекашине большие перемены. Они в общем течении жизни всей страны. В деревню властно ворвалось время, с шумом тракторов, транзисторов. На домах, где когда-то были деревянные кони, вытянулись щупальца антенн...

Кто же из героев «Дома» сейчас на переднем крае борьбы? Можно ли считать Виктора Нетесова новым типом руководителя, в некотором роде деревенским Чешковым?

— В какой-то мере Нетесов — олицетворение «делового человека» в деревне. С известной долей сухости, рационализма. Он призван упорядочить, ввести в новое русло многое из того, что сопровождает ломку старых устоев.

Но без прыслинского начала нельзя представить себе нового человека в деревне. Определенные Михаила в конюхи — это не «понижение в должности», как считают некоторые читатели. Лошадь издавна была сокровищем крестьянской жизни. Коньком-игрушкой забавляли ребяташек. Деревянный конь смотрел с крыши родного дома. Коню молились на старых иконах. В наш машинный век все равно деревня немислима без живого, и без коня тоже. Всюду требуются добрые руки человека, а не только электрические приборы. Проблема доя-

рок в деревне — по-прежнему острейшая проблема. А без любви к животным ее не решить. 14 личных коров в деревенском стаде — это картина тревожная не только с экономической точки зрения...

Михаил Прыслин — фигура противоречивая. Он бывает нетерпим, крут. Максимум заложен в самой прыслинской натуре. Но основа его жизни — потребность в крестьянском труде, как в воздухе. Труд — всему единственная мера — это главное, что всегда было нравственным стержнем моих героев — Михаила, Лизы, даже Пелагеи. Эта идея заложена и в последнем романе.

Самое название романа выбрано не случайно. «Дом» — это олицетворение смысла жизни, всего, что он построил на земле и в своей душе. Строители-созидатели всегда противостоят бездельникам и пустоцветам.

Духовность нашего народа, коллективизм имеют глубокие корни, идущие от уклада деревенской жизни, от связи с красотой земли и природы. Все эти черты наследует сегодняшний человек.

Я недавно был в Америке и там особенно остро почувствовал уникальность советского характера, его полярную противоположность философии индивидуализма, махрового рационализма. Америка с детства выковывает человека с зубами, готового драться за свое место в жизни. Ослаблены связи между людьми. Предпочтительнее материальной жизни духовной. Я много читал и слышал об этом. Но то, что я увидел в Америке, меня поразило.

Конечно, наши средние студенты, которые отнюдь не перегружены премудростью — кладези знаний по сравнению со многими молодыми американцами. Но что касается своей специальности, тут американцы хвататы. У нас порой встречается другая крайность. Знаем много обо всем и гораздо меньше о своем деле. Так что поучиться и нам не грех...

В «Доме» Федор Абрамов показал нелегкий процесс возрождения Нечерноземья, о котором он страстно говорил, выступая с трибуны писательского съезда.

«Предстоит в полном смысле заново сотворить русское поле, построить такие селения, где бы зеленая радость деревенского существования была дополнена всеми благами современного города. Процесс великого созидания и великой ломки. Старая деревня с ее тысячелетней историей уходит сегодня в небытие.

Время властно требует другого человека, человека-капитана, человека с развитым самосознанием, обостренной гражданской совестью, с широким историческим кругозором, способного не только мыслить по-государственному, по-хозяйски, но и отвечать за все происходящее в стране, то есть поступать по-хозяйски, по-государственному, соответственно своим убеждениям, велениям совести».

Алла БЕЛЯКОВА.
 ЛЕНИНГРАД.

● Ф. Абрамов в родной деревне Веркола.
 Фото Р. Кучерова.